

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-174–193

ФАНАГОРИЯ И СПАРТОКИДЫ (историко-археологический очерк)

А.А. Завойкин

Институт археологии РАН, Москва, Россия
bospor@inbox.ru

Аннотация. О Фанагории времени правления на Боспоре династии Спартокидов (IV–II вв. до н.э.) античные авторы хранят полное молчание. На рубеже новой эры Страбон называет Фанагорию «столицей азиатских боспорцев» и одним из трех эмпориев, через который поступают товары из Прикубанья (Strab. XI. 2: 2, 10). В данной статье доказывается, что эти характеристики древнего географа в полной мере применимы и к предшествующим столетиям истории города, по крайней мере с того момента, как он вошел в состав Боспорского государства.

Автор статьи предпринял попытку установить статус Фанагории в державе Спартокидов, реконструировать некоторые узловые моменты ее истории в указанный период времени. Для достижения этой цели было необходимо проанализировать синхронные источники, прямо или косвенно отражающие положение Фанагории в IV–II вв. до н.э. Это сравнительно немногочисленные эпиграфические памятники, нумизматические материалы и большой массив данных, полученных в ходе археологических раскопок памятника. Лишь их комплексное исследование, наряду с учетом широкого исторического контекста (в пределах Боспорского государства в целом), позволило конкретно характеризовать Фанагорию как важнейший центр в «азиатских» владениях Спартокидов. В статье показано, что именно в ней, по всей видимости, размещались представительства центральной власти (административное, налоговое, военное), ее доверенные лица, призванные контролировать, в том числе, внешнеторговую деятельность (таможня), лояльность подданных в «азиатской» части государства и военно-политическую ситуацию в регионе в целом.

История монетного дела Фанагории (чеканка монеты от имени граждан полиса), а также городской фортификации ярко высвечивает эволюцию взаимоотношений полиса и власти Спартокидов. Для понимания статуса Фанагории на протяжении трех столетий существенную роль играет анализ ситуации в период правления Митридата VI Евпатора, сменившего на престоле последнего представителя династии Спартокидов в 110/09 г. до н.э.

Ключевые слова: Боспорское государство, Спартокиды, тирания, полис, Фанагория, Азиатский Боспор, административный, торговый центр.

Данные об авторе: Завойкин Алексей Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

Работа выполнена в рамках темы НИР «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2), ИА РАН. Этот очерк представляет собой обобщение результатов исследований, опирающееся на детальный анализ материалов раскопок Фанагории, итоги которых опубликованы автором очерка в ряде статей. В этом причина обильного «самоцитирования» в тексте, за что приношу свои извинения читателю.

По опыту мне известно, как иногда возможно при стремлении к решению вопроса путем исследования мелких эпиграфических признаков дойти до того или другого определенного вывода и, сознавая при этом лично неполноту доказательности и даже прямо заявляя о ней, обставить вывод такими убедительными для других данными, что он легко будет признан за несомненный и может остановить дальнейшее исследование и даже повести к ошибочным заключениям.

А. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды

На рубеже двух эпох Страбон назвал Фанагорию «городом, заслуживающим внимания / замечательным» (πόλις ἀξιολόγος), она отмечена географом как один из трех *эмпориев* Боспора¹, а также как «столица азиатских боспорцев» (Strab. XI. 2. 2. 10). В первую очередь, разумеется, необходимо ответить на вопрос: в какой мере эти характеристики распространяются и на тот период, когда Фанагория находилась под властью правителей Боспора из династии Спартокидов, пришедших к власти в 438/7 г. до н.э. и правивших около 330 лет? Очевидно, что в этом случае недостаточно общих слов о том, что Страбон широко использовал в своем сочинении источники эллинистического времени, из которых мог заимствовать и интересующую нас сейчас информацию. Следует предоставить конкретные доказательства того, что полис фанагорийцев занимал в азиатских владениях потомков Спартока I исключительное положение, а не просто был наиболее значительным в числе других.

Столичный статус Фанагории в «азиатских» владениях Спартокидов подразумевает прежде всего то, что именно этот город в составе их державы стал главным административным центром данного региона, что именно в нем располагались представительства (гражданские и военные) центральной государственной власти и назначенные правителями их доверенные лица, следившие за соблюдением установленного порядка (в том числе – лояльности граждан полисов, входивших в состав Боспорского государства), сбором налогов, поддержанием военной безопасности на границах государства и т.д. Логично предполагать, что аналогичный порядок вещей сохранялся (конечно, с определенными изменениями, может быть, даже значительными) и позднее, вплоть до первых веков н.э., когда глава местной администрации назывался «наместником Острова» (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου – КБН 40, 697, 982, 1000) или «нессарх» (νησαρχῆς – Кузнецов 2007, надпись № 1, стк. 8)². В Фанагории, которая располагалась на Острове и была центром «островного наместничества», засвидетельствован и «наместник царской резиденции» (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας – КБН 1051; Завойкина 2018)³.

¹ Не ясно, относится ли указание о существовании эмпория «Фанагории» к свидетельству Гекатея Милетского (FGrHist. 1. F212 Jacoby = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια)»).

² См.: Гайдукевич 1949, 343; Кузнецов 2007, 238; Завойкина 2013, 158–159; Завойкин 2017, 149–150.

³ Завойкина 2018, 114–115.

К большому сожалению, древние писатели практически не оставили нам свидетельств, в которых бы хоть что-то сообщалось о событиях истории Фанагории времени правления Спартокидов. Станным образом, мы имеем хотя бы и скудную информацию о самом начальном этапе истории этого города – основании Фанагории выходцами из ионийского города Теоса под предводительством Фанагора⁴. Мы также располагаем важными сведениями Аппиана о ходе восстания фанагорийцев в 63 г. до н.э. против власти царя Митридата VI Евпатора (App. Mithr. 108). Однако отрывочные данные о жизни столицы Азиатского Боспора в течение первых трех столетий в составе Боспорского царства становятся доступны нам исключительно благодаря эпиграфическим, нумизматическим и археологическим исследованиям. Что же удалось узнать о положении и истории Фанагории между этими, известными по письменным источникам событиями?

Оставляя в стороне первые полтора столетия жизни древнего города, обратимся к тому моменту, когда Фанагорийский полис – самостоятельное политическое образование, основанное на гражданской организации общества, – лишился своей независимости и вошел в состав Боспорского государства.

Раскопки на южной окраине города в 1980-х гг. открыли материальные следы этого события⁵. Здесь были обнаружены остатки домов, одновременно погибших в пожаре, причем в слое разгрома найдены многочисленные наконечники стрел, которые подтверждают военный характер произошедшей катастрофы. Вопрос же о том, кто был ее виновником, можно решить, опираясь на ряд косвенных данных. *Во-первых*, известно, что незадолго до интересующих нас событий южная окраина города была огорожена оборонительными стенами (30-е годы V в. до н.э.), а сразу после них эти фортификационные сооружения были разобраны до основания. И Фанагория оставалась незащищенной от врагов почти два столетия. Очевидно, что если бы разгром был связан с нашествием местных воинственных «варваров» (племен меотов, что обитали в Нижнем Прикубанье и тревожили время от времени боспорских греков своими набегами), то правители Боспора, весьма успешно воевавшие с ними в IV в. до н.э. и даже установившие свою «царскую» власть над некоторыми из этих племен, предприняли бы усилия, чтобы как можно скорее восстановить оборонительные линии важного для их государства города. Но этого не случилось. Поэтому логично предположить, что как раз один из Спартокидов (Сатир I, 432–392 гг.) стал виновником военного разгрома Фанагории в конце V в. до н.э., он и приказал демонтировать оборонительные стены (обычная для греков практика после военного захвата «недружественного» города), а его наследники продолжили политику Сатира I, призванную сделать невозможными сепаратистские поползновения граждан Фанагории, если таковые возникнут в их умах. Заботу же о безопасности границ государства Спартокиды приняли на себя.

Во-вторых, лет за десять-двадцать до катастрофы в Фанагории была начата чеканка собственной серебряной монеты, на лицевой стороне которой изображен в профиль основатель их города в шлеме-пилосе⁶, а на оборотной – «бодящийся бык» (на мелких номиналах монеты – его передняя часть, на мельчайших – зер-

⁴ См.: Нес. Mil. Fr. 212 Jacoby (ap. St. Byz. s.v. Φαναγόρεια); Hdt. I. 168 + Ps.-Scymn. Per. 886–887 + Eust. Comm. ad Dion. Per. 549 (со слов Аппиана, ср. Ps.-Agr. PPE. 74).

⁵ Об этом подробно см.: Завойкин 2004; 2013, 148–153, 160–176.

⁶ Завойкин 2021а, 260–273.

но) плюс зерно и легенда – сокращенное наименование гражданского коллектива (ФАНА). Эта чеканка обрывается как раз на рубеже V и IV вв. до н.э.⁷ Так же, как и другие города, что были включены в состав Боспорского государства (раньше – Нимфей, позже – Феодосия), Фанагория лишается права чеканки, которая теперь концентрируется исключительно на монетном дворе столичного Пантикапея под полным контролем Спартокидов. Лишь спустя два столетия в Фанагории возобновляется чеканка, но это уже медная монета, которая дублирует чеканку медной монеты Пантикапея⁸. К слову сказать, примерно в то же время (точная дата нам, к сожалению, не известна) в Фанагории были построены новые крепостные стены, на том же самом месте, где располагались ранние городские оборонительные сооружения.

Показательно, что спустя еще полтора-два века ситуация с фортификацией Фанагории повторилась. После восстания против Митридата, постоянно воевавшего с Римом, в благодарность за то, что Фанагория стала первым городом, выступившим против власти царя, римский полководец Помпей Великий предоставил ей независимость. Однако новый царь Боспора, сын Митридата Фарнак, осадил город, голодом заставил фанагорийцев выйти за городские стены, принять бой в поле и одержал над ними победу. Дабы принудить граждан к смирению (тем более что Фарнак готовился к походу против римлян в Малой Азии ради захвата исконных владений своих предков – Понтийского царства, где был разбит войсками Цезаря), он взял заложников (Арр. 108, 113, 120). Тогда же, как показывает анализ археологических источников, вновь были демонтированы городские оборонительные стены⁹.

Но вернемся к эпохе Спартокидов. Закономерен вопрос: почему именно Фанагория стала «азиатской столицей» в их государстве, которое со времен Левкона I именовалось «Боспором», точнее – «Боспором и Феодосией»¹⁰? Однако прежде чем искать ответ на этот вопрос, необходимо уделить некоторое внимание проблеме статуса полиса в составе державы Спартокидов вообще. Поскольку уже неоднократно приходилось более или менее подробно высказываться по этой проблеме, ограничусь отсылкой читателя к разделу монографии, в которой суммируются мои соображения по этой проблеме¹¹, которых в главных чертах придерживаюсь и ныне. Здесь же ограничусь самыми общими формулировками. Боспор Спартокидов представлял собой государство с монархической (тиранической¹²) верховной властью, генетически связанной с полисом (Пантикапеем), структурно организованное как «мегаполис», в котором гражданские общины, включенные в его состав, утратили часть исконных полисных прав и прерогатив, узурпированных Спартокидами, и по своему статусу приблизились к положению «демов». Только таким образом, на мой взгляд, можно объяснить (и альтернативные варианты объяснений мне неизвестны), почему при Спартокидах «полис пропал», и

⁷ Обсуждение датировки монет см. Завойкин 2013, 363–364.

⁸ Анохин 1986, 56.

⁹ См. Завойкин 2021б, 153–157, 160.

¹⁰ См. Завойкин 2013, 319, табл. 22; *КБН* 1111; Белова 1967; Соколова, Павличенко 2002; и т.д.

¹¹ Завойкин 2013, 434–456.

¹² С.Ю. Сапрыкин неоднократно и справедливо отмечает, что даже официальное принятие Спартоком III царского титула в начале III в. до н.э. по существу ничего не изменило в характере государственного строя (например, см. Сапрыкин 2003, 28–29).

со времен М.И. Ростовцева¹³ до наших дней не стали известны какие-либо свидетельства гражданской активности отдельных полисов (гражданских общин) в их взаимоотношениях между собой или с центральной властью¹⁴. Вместе с тем со второй половины IV в. до н.э. позволительно говорить о формировании гражданства «общебоспорского», что очень ярко отразилось в таких специфически полисных документах, как проксенические декреты, с одной, но весьма существенной оговоркой: на Боспоре (и только в нем!) эти декреты изданы не от имени гражданской общины, а от лица правителя с его сыновьями¹⁵. С «общебоспорским гражданством» коррелируется этноним «боспорит» (и т.п.)¹⁶, который входит в оборот с начала III в. до н.э. за пределами Боспорского государства¹⁷. При этом понятие единого гражданства внутри государства понималось исключительно как единство статуса боспоритов в качестве подданных Спартокидов. Однако эти подданные отношения применительно к эллинам, над которыми Спартокиды были архонтами, выражались термином *πολιται*.

Очевидно, что процесс формирования некоего политического, экономического и культурного единства был сравнительно продолжительным и сопровождался если не открытыми конфликтами, то противоречиями. Полностью и окончательно преодолеть генетически заложенную предрасположенность полиса к автономии было практически невозможно. Баланс сил и интересов на протяжении столетий мог меняться. И в зависимости от конкретной ситуации боспорские полисы, которые, хотя бы «в латентном состоянии», оставались в составе державы Спартокидов своего рода «государством в государстве», потенциально готовы были заявить свои права на независимость.

Но вернемся к Фанагории. Это был, несомненно, самый большой и богатый город к востоку от пролива. Его богатство и сила во многом определялись чрезвычайно выгодным географическим положением. Страбон, как было отмечено, называет Фанагорию одним из трех *эмпориев* Боспора (наряду с Пантикапеем и Танаисом в устье Дона), в который по Гипанису-Антикиту поступали товары из Прикубанья. Эмпорий – не только торжище, это также место, где обустроена государственная таможенная служба, контролирующая внешнюю торговлю, здесь взимаются налоги за ввоз и вывоз товаров в государство или из него. Спартокиды монополизировали не только право чеканки монеты в своем государстве, но и сбора торговых пошлин. Лишь в нескольких портах было позволено законно совер-

¹³ См. Ростовцев 1989, 183: «Наконец, не имеет аналогий в греческой тирании тот факт, что основные институты греческой *πóλις* – народное собрание и совет, *δήμος* и *βουλή* – не действуют и, очевидно, не имеют конституционного существования в городах Боспора; во всяком случае мы не имеем до сих пор ни одного ни литературного, ни эпиграфического свидетельств, которые хотя бы намекали на существование этих учреждений...».

¹⁴ Чуть не единственный пример – разовая пассивная деятельность экклесии в столичном Пантикапее, собранной по инициативе Эвмела, желавшего легитимировать узурпированную им власть (Diod. XX. 24).

¹⁵ Подробно с литературой см.: Шелов-Коведяев 1985, 72; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002, 59; Иванчик 2018, 69–75; Завойкин, Завойкина 2020, 134, 149–150; Сапрыкин 2021, 339–340.

¹⁶ Ср.: Strab. XI. 2, 10: «Все народы, подвластные боспорским правителям, называются боспорцами. Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских – Фанагория...»

¹⁷ Например, боспорцем назван царь Спарток III в афинском декрете 288 г. до н.э. (IG II2, 653; Syll³, 370).

шать внешнеторговые операции. Фанагория – в их числе. Об этом красноречиво говорят декреты, изданные от лица Спартокидов, предоставляющие определенные привилегии иностранным купцам. В Фанагории найдены обломки трех таких документов. Больше, и значительно, только в Пантикапее – не менее 17, один найден в Горгии, а больше – нигде; хотя, согласно свидетельству Демосфена (Demosth. XX. 33)¹⁸, несомненно в порту Феодосии, специально перестроенном Левконом I, внешнеторговые операции тоже совершались¹⁹.

Наличие в порту Фанагории государственной таможни предполагает присутствие людей, которые несли «государеву службу». Кем они были, гражданами Фанагории или представителями центральной власти из других городов, – нам не известно (возможно, как те, так и другие). В принципе не вызывает сомнений, что представители верхних слоев фанагорийского общества в той или иной степени инкорпорируются в «надполисную» структуру Боспорского государства, хотя документально подтвердить этот тезис нечем.

Социальная и имущественная дифференциация общества, усилившаяся в объединенном Боспорском государстве, прежде всего прослеживается на погребальных памятниках. Именно в IV в. до н.э. появляются самые грандиозные по размерам насыпи-курганы и выдающиеся в архитектурном отношении склепы с уступчатым перекрытием под ними²⁰. Не требует комментариев то, что такого рода сооружения «царского ранга» располагаются прежде всего в окрестностях столицы Боспора, Пантикапея. (Самые исключительные из них с большим или меньшим основанием соотносят с погребениями конкретных правителей Боспора: от Сатира I и его сына Левкона I до Перисада I и его сыновей – Сатира II, Притана и Эвмела, узурпировавшего власть старших братьев²¹). Но и Фанагория в этом плане не была исключением. Курганы, которые располагались вдоль древних дорог, ведущих во все стороны от города, – тем больше, чем ближе к нему. В одном из таких курганов в 2003 г. открыт уникальный по архитектуре круглый в плане каменный склеп с уступчатым перекрытием второй половины IV в. до н.э. И хотя он полностью был ограблен еще в древности, не может быть сомнений в том, что в этой погребальной конструкции покоился представитель верхушки фанагорийского общества и весьма состоятельный человек²², если и не связанный напрямую с административной структурой Боспора, то сильно подверженный влиянию уже сформировавшейся «культуры боспорской элиты».

Но все-таки по своему статусу он заметно уступал другому лицу, похороненному в некотором удалении (в 6 км) от города. Речь идет об одном из самых статусных курганов Таманского п-ова, Бююр Горе (он же – Буерова Могила), диаметром более 90 м и высотой около 9 м (первоначально, конечно, больше)²³. Само месторасположение этого замечательного памятника, исследованного Фанагорийской экспедицией ИА РАН в 2011 г. на вершине гряды-водораздела, что окаймляет с юга ближнюю сельскохозяйственную округу (*хору*) Фанагории, на некотором

¹⁸ О предоставлении ателии купцам, вывозившим в Афины хлеб из недавно обустроенного Левконом I порта Феодосии. О значении порта Феодосии в торговле зерном см. также Strab. VII. 4, 6.

¹⁹ См.: Жижина-Гефтер 1918, 81–87; Завойкин, Завойкина 2020, 151–152.

²⁰ См.: Савостина 1984; Кузнецов 2004, 122.

²¹ Например, см. Виноградов 2014, 497–509.

²² Кузнецов 2004, 94–123.

²³ Подробно о нем см. Кузнецов, Ворошилов, Жуковский 2016, 279–324.

удалении от ее исконного некрополя, говорит о том, что человек, погребенный в склепе кургана, выделялся из числа обычных граждан города²⁴. Центральное погребение в кургане было совершено в необычной гробнице. Она построена из сырцового кирпича, внутренние поверхности стен и пол облицованы плитами известняка; перекрывал могилу накат из бревен и слой морской травы. Кем был человек, похороненный в этой гробнице, мы уже никогда не узнаем, как не узнаем и того, какие предметы были положены в его могилу для сопровождения умершего в иной мир (они расхищены задолго до того, как захоронение открыли археологи, впервые в 1870–1871 гг.). Очевидно лишь то, что в социальной иерархии фанагорийского общества он был лицом высочайшего ранга, не исключено даже, исполнявшим высокую должность в боспорской администрации.

Первый век истории Боспорского государства (IV в. до н.э.) стал временем наивысшего его экономического расцвета. Это отразилось не только в богатстве погребений, но и на росте городов и их благосостоянии. Фанагория была довольно большим (60–65 га), по меркам античности, и благоустроенным городом, в котором были построены монументальные ордерные здания и храмы, улицы и площади украшены скульптурами. Однако до наших дней от этого бывшего величия и красоты сохранилось немного. Главная причина этого – дефицит строительного камня в этом регионе. Поэтому со временем стены старых построек разбирались, и камень из них снова шел в дело... Лишь время от времени в руки археологов попадают обломки некогда величественных зданий, эти фрагменты позволяют лишь отчасти реконструировать облик города времени его расцвета. Так, подводные исследования причального сооружения в затопленной части городища, построенного не раньше конца III – начала IV вв. н.э.²⁵, привели к открытию значительной коллекции обломков великолепных архитектурных деталей из мрамора и известняка, фрагментов скульптуры и рельефов, которые свидетельствуют о высоком уровне строительного дела и богатстве архитектурного убранства Фанагории в эпоху Спартокидов (и позднее)²⁶.

Об этом же говорят найденные раньше постаменты статуй и архитрав с почитательными надписями в храмы богов (*КБН* 971–974). Среди них наиболее почитаемой оставалась Афродита Урания, владычица Апатура – знаменитого святилища в округе Фанагории, культ которой выходит далеко за пределы самой Фанагории, «азиатского» региона и становится общепоспорским. Наряду с этой богиней почитается Геракл, его с Афродитой Апатурой связывает местный миф времен колонизации, изложенный Страбоном (*Strab.* XI. 2. 10)²⁷. В то же время в Фанагории утверждается общегосударственный культ Аполлона Иетра (*КБН* 974)²⁸, бога-покровителя милетских колоний, и в частности – столицы Спартокидов Пантикапея.

²⁴ Так же, как и представители, считается, жреческого рода, что покоились под насыпями расположенных по соседству знаменитых курганов Большая и Малая Близицы, драгоценности заупокойного инвентаря из склепов и каменных ящиков которых по сей день служат украшением Золотой кладовой Государственного Эрмитажа.

²⁵ Голофаст, Ольховский 2016, 50–51.

²⁶ См.: Кузнецов и др. 2006, 273, рис. 4; 278–279, рис. 9, 10; Кузнецов и др. 2008, 385, рис. 6; 392, рис. 14; 399, рис. 21; 400, рис. 22; 409, рис. 31.

²⁷ См. Кошеленко 2010, 360–373. Вероятно, уместно отметить и мифологическое предание об основании Абдеры, сестринской колонии Фанагории, Гераклом (об этом см. Кошеленко 1999, 151).

²⁸ Засвидетельствован в Фанагории почитательной надписью времени Спартока III.

Казалось бы, можно ожидать, что многолетние раскопки на акрополе Фанагории, где стояли общественные здания и храмы, должны наилучшим образом отразить процветание города в эпоху Спартокидов. Но, парадоксальным образом, это не совсем так. Высочайшее качество построек и строительных материалов, из которых были возведены в этом общественном центре здания, имело следствием неизбежный и особо тщательный их демонтаж ради вторичного использования камня в новых постройках. В данном случае можно сказать с уверенностью, когда и почему это произошло. В конце II или же в самом начале I вв. до н.э. здесь было начато строительство огромного дворцового комплекса – резиденции царя Митридата Евпатора, чему предшествовала основательная разборка более древних зданий²⁹.

Но все же кое-какие остатки построек IV–II вв. до н.э. дошли до наших дней (в основном, это те их части, что были заглублены в землю), и они позволяют в общих чертах наметить узловые моменты истории этого района, элементы его планировки и планы некоторых зданий.

К первой половине IV в. до н.э. относится квадратное в плане здание площадью ок. 100 м², возведенное на мощном каменном фундаменте, рассчитанном на два этажа; нижний этаж был разделен на четыре помещения³⁰. С восточной стороны располагался вход, оформленный двухколонным портиком. Крыша здания была черепичной. Интересно отметить, *во-первых*, что в фундаменте использовались огромные глыбы песчаника, которые – на мой взгляд, с высокой степенью вероятности – были извлечены из основания демонтированных городских оборонительных стен; а *во-вторых*, что новая постройка расположилась точно над главным помещением общественного здания, которое функционировало с середины VI по середину V в. до н.э.³¹ и находилось на перекрестке двух главных улиц (одна вела с севера на юг, другая – с запада на восток). Напротив, через улицу, тоже на углу квартала, располагался небольшой храм в антах³². Площадь перед входом в двухэтажное здание была замощена колотым камнем, улица, что проходила к западу от него, имела покрытие из черепков керамики, как и узкий «тротуар», отделявший здание от полотна улицы. Эта улица южным своим краем упиралась в монументальное сооружение, которое как бы отгораживало весь этот комплекс от остальной территории. От него сохранилось каменное основание (цоколь), шириной около 2,3 м, и на нем – нижняя часть конструкции из глины (до 0,5 в высоту). Прослеженная протяженность этого сооружения с запада на восток – более 18 м, но это только часть загадочного объекта³³. Достоверно определить размеры и функциональное назначение этой постройки не представляется возможным. Очевидно лишь одно: она никаким образом не связана ни с предыдущей, ни с последующей планировкой этого района, но, скорее, в определенном смысле «противоречит» ей.

²⁹ Завойкин 2019, 315–317. Аналогичная судьба полвека спустя постигла и сам этот дворец, правда, после пожара в ходе восстания фанагорийцев в 63 г. до н.э. (см. Абрамзон, Кузнецов 2015, 25, 35–36).

³⁰ Подробно см. Завойкин 2018.

³¹ Абрамзон и др. 2019, 7–9.

³² С момента основания Фанагории на этом месте он был уже четвертой культовой постройкой. О трех из них см. Кузнецов 2019, 402–405.

³³ С восточной стороны его «обрывает» строительный котлован более позднего большого общественного здания (см. ниже), с западной – «разведывательная траншея», заложенная в 1869–1872 гг. известным историком и археологом И.Е. Забелиным.

Жизнь этого необычного по своей планировке здания обрывается катастрофически: оно погибает в пожаре огромной силы (в огне оплавляется даже упавшая черепица кровли), но локально: на прилегающей территории заметные следы пожара нигде не обнаружены. О причинах этого события судить невозможно (хотя и напрашиваются аналогии с пожаром 63 г. до н.э.), так же как затруднительно решить вопрос о функциональном назначении этого здания. Представляется, что эта постройка, возведенная вскоре после того, как Фанагория утратила свою независимость и насильственно была включена в состав державы Сатира I, являлась в определенном отношении «кинородным элементом» в структуре общественного центра полиса. Не исключено, что ее присутствие здесь отражает вторжение центральной власти Боспорского государства в общественное пространство недавно подчиненного гражданского коллектива. Впрочем, приходится признать, эта догадка пока не находит поддержки в других источниках.

Наиболее ярким свидетельством потери полисом автономии являются упомянутые ранее найденные в Фанагории проксенические декреты, изданные от лица боспорских правителей (Левкон I, Перисад I)³⁴. Кроме того, эти документы подтверждают высокий статус Фанагории как крупнейшего центра Азиатского Боспора, через порт которого велась контролируемая Спартокидами масштабная торговля хлебом со Средиземноморьем (прежде всего, с Афинами). Учитывая это обстоятельство, полагаю, можно с уверенностью распространить определение Страбоном (XI. 2. 2) Фанагории как «столицы азиатских боспорцев» и на весь период правления потомков Сатира I.

В этом свете допустимо предполагать, что в городе находились не только служащие портовой таможни, но и другие представители центральной власти³⁵, контролировавшие ситуацию на недавно присоединенных территориях, ведали сбором налогов и проч. В городе мог быть расквартирован и какой-то воинский контингент, задачей которого было не только контроль лояльности граждан, но и ведение, время от времени, военных действий по охране восточных границ Боспора или же в связи с покорением отдельных меотских племен Прикубанья (*синды, тореты, дандариш, псессы* и др.)³⁶, над которыми, согласно официальной титулатуре, «царствовали» Спартокиды.

К сожалению, всё это суждения из области логических допущений, не подкрепленных прямыми источниками. Пожалуй, лишь надгробие наемника Пантия из Тегеи времени Левкона I³⁷ и туманное упоминание патриды Мантиней в стихотворной надписи неясного содержания (*КБН 991*) дают основание осторожно предположить, что практика расквартирования «царских» наемников в городе восходит к ранним Спартокидам, а не была привнесена на Боспор Митридатом Евпатором³⁸.

³⁴ См. Завойкин, Завойкина 2020, 135–149.

³⁵ Следует отметить особо точку зрения исследователей, которые считают, что младшие соправители боспорских тиранов имели под управлением азиатскую часть государства, а их резиденция могла располагаться в Фанагории (например, см. Яйленко 1995, 229–230).

³⁶ Аналогичным целям должно было служить переселение (скорее всего в Синдику) тысячи каллатийцев Эвмелом, который дал им «город для поселения, а кроме того, разделил на участки так называемую Псою и область» (Ψῶν καὶ τὴν χῶραν) (Diod. XX. 25).

³⁷ Яйленко 1986.

³⁸ См. Виноградов 1991, 16 сл. Ю.Г. Виноградов считает, что упомянутые в надписи 88/7 г. до н.э. солдаты, получившие по решению Совета и Народа фанагорийцев в сложной финансовой ситу-

Принудительное лишение Фанагории городских оборонительных стен безусловно предполагало ее защиту силами центральной власти³⁹ от всяких инцидентов, подобных враждебным действиям первого десятилетия IV в. до н.э. со стороны меотов Тиргатао, подвергших разорению владения Сатира I (Polyaen. VIII. 55)⁴⁰.

С учетом других эпиграфических свидетельств и данных литературных источников об использовании Спартокидами наемных воинов для борьбы с внешними и внутренними врагами, легко можно допустить, что в Фанагории, ставшей главным центром Азиатского Боспора, был расквартирован воинский контингент наемников. Разумеется, не на акрополе⁴¹.

После того как погибает в пожаре «необычное» здание, в начале 40-х годов IV в. до н.э. происходит радикальная перепланировка открытого раскопками участка акрополя⁴². Новые постройки теперь ориентированы стенами строго по сторонам света (раньше строили с небольшими отклонениями). Доминирующее положение занимает большое здание (130 м²) с полуподвальным помещением, разделенным на три части⁴³. Судя по его размерам, пропорциям и планировке, оно имело гражданское, а не культовое предназначение. К северу от него (напротив входа) и к востоку от храма в антах были возведены пятиколонные пропилеи, оформлявшие парадный вход на площадь. К востоку и югу от главного здания располагались вытянутые в ряд постройки из нескольких помещений, которые могли служить различным целям. Также с востока немного позднее (видимо, уже в III в. до н.э.) на цоколе из вторично использованных пиленых блоков известняка была возведена постройка, которая, по мнению В.Д. Кузнецова, была небольшим храмом (*templum in antis*), но не исключено, что она использовалась как «сокровищница»⁴⁴, в которой, например, хранилась городская казна (?). С ремонтами и перестройками эти здания и сооружения дожили до конца II в. до н.э., когда и были разобраны⁴⁵. Никаких следов насильственных разрушений здесь не было обнаружено.

В течение трехвекового периода, о котором здесь ведется речь, конечно, многое менялось как в экономике и военно-политическом положении Боспорского го-

---

аии гражданство, были наемниками города, а не царя, хотя, разумеется, и признает наличие здесь царского гарнизона, по крайней мере, в поздний период правления Митридата, ссылаясь на App. Mithr. 108 (там же, 29–30). Аналогичным образом, по свидетельству Полиена (VI. 7, 2), будущий тиран Кассандрии Аполлотор перед 279 г. до н.э. предоставил гражданские права и участки земли в Паллене гарнизону, покинувшему цитадель, «чтобы они оставались стражами свободы» (там же, 17 и прим. 21).

³⁹ О роли гражданского ополчения в этот период говорить сложно (см. Виноградов 1991, 29).

⁴⁰ Конечно, здесь речь идет об азиатских владениях пантикапейского тирана. См. Завойкин 2013, 294

⁴¹ А вот в момент восстания граждан Фанагории против Митридата в 63 г. до н.э. акрополь, т.е. то самое место, о котором идет речь, «... был уже занят Артаферном и другими сыновьями Митридата» (App. Mithr. 108). Надо полагать, что здесь расположился контингент воинов-понтийцев, защищавших царскую резиденцию и обитавших в ней детей царя (см. Абрамзон, Кузнецов 2016, 35).

⁴² См. Завойкин, Павличенко 2020.

⁴³ Завойкин 2019. По-своему примечательно, что в его фундаменте были использованы, в том числе, камни из описанного выше здания, обгоревшие в пожаре.

⁴⁴ Кузнецов 2003, 4–5. Это определение в целом поддержала Ю.Н. Кузьмина, отметив, правда, что в функциональном отношении постройки такого рода могли использоваться в качестве сокровищниц (θησαυρός), как, например, в Дельфах и Олимпии (Кузьмина 2012, 258–259).

⁴⁵ Завойкин 2020, 11–13.

сударства, так и в жизни его «азиатской» столицы. «Золотой век Боспора» (IV в. до н.э.) сменился затяжным финансово-экономическим кризисом (до третьей четверти III в. до н.э.). В начале III в. до н.э. Спарток III (304–284 гг.) официально принял царский титул, подобно некоторым другим правителям эллинистических государств. В том же столетии Фанагории было дозволено заново отстроить городские стены⁴⁶, но в чем причина этого – сказать невозможно. Явных следов военной угрозы Боспору со стороны кочевников-сарматов в это время мы, вроде бы, не наблюдаем⁴⁷. Но если даже предполагать, что новые оборонительные сооружения города связаны с обострением военно-политической ситуации в регионе, не следует упускать из виду, что их строительство должно было быть согласовано со Спартокидами или даже санкционировано ими: только царь мог дезавуировать решение своих предков по этому вопросу.

Ближе к концу того же столетия или в начале следующего, как уже отмечалось, в Фанагории возобновляется чеканка монеты. На ее реверсе в сокращенной форме представлено наименование гражданской общины полиса (ФА / ФАН)⁴⁸. Однако монетный двор Фанагории работает в это время в качестве филиала пантикапейского монетного двора, и выпуск мелких номиналов медной монеты, скорее, следует оценивать отнюдь не как свидетельство «сепаратистских устремлений» полиса (так считали и считают некоторые исследователи), а как возложение на жителей крупнейшего города Азиатского Боспора обременительных обязанностей⁴⁹.

Важно принять во внимание, что динамика взаимоотношений Фанагории и царской власти на протяжении столетий определялись целым комплексом изменяющихся с течением времени причин. С одной стороны, насильственно включенный в состав державы Спартокидов полис был лишен автономии и, вместе с ее утратой, ряда исконных прав, а его жители должны были выплачивать налоги в пользу

⁴⁶ К сожалению, более точно определить дату этого строительства не представляется возможным (Завойкин 2021б, 152–154).

⁴⁷ Насколько мне известно, пока только в Горгиппии фиксируются следы серьезного пожара середины – третьей четверти III в. до н.э. (Алексеева 2010, 486; Савостина, Тихонова 2021, 328). В Гермонассе установлена гибель во второй половине III в. до н.э. общественного (или богатого частного) перистильного здания (Коровина 2002, 62–63), однако масштабы разрушений в этом городе остаются не ясны.

⁴⁸ Тетрахалк типа «голова бородатого сатира в плюшевом венке, вправо / лук и стрела, ФА» (Шелов 1956, 173–174, 221, табл. IX, 112; Голенко 1952, 149; II в. до н.э.; Анохин 1986, 142, № 147: ок. 230–220 гг. до н.э.; 2011, 168, № 1169, 1170: ок. 155–145 и 125–115 гг. до н.э. Наиболее поздние монеты этого типа перечеканены на пантикапейских монетах типа «голова сатира / шапки Диоскуров», который датируют ок. 120–110 гг. до н.э. (Шелов 1956, 175, табл. VIII, 101). Тип «безбородая голова вправо / виноградная гроздь, ФАН» Д.Б. Шелов (1956, 175–176, 221, табл. IX, 113) датировал с рубежа III–II вв. до н.э. (вслед за: Зограф 1951, 181) и первой половиной II в. до н.э. В.А. Анохин (1986, № 177, Фа-6) считает изображение на лицевой стороне этих монет (дихалков) головой Диониса и датирует их ок. 130–125 гг.

⁴⁹ Анохин 1986, 56. Я поддерживаю также мнение киевского нумизмата в отношении датировки чеканки в Фанагории тетроболов или триоболов типа «голова Артемиды, вправо, слева лук» на аверсе – «роза» и развернутая легенда – ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ на реверсе первым десятилетием правления Митридата (Анохин 1986, 72). То же относится к анэпиграфным диоболом типа «голова Аполлона в венке / роза» (ср. Абрамзон, Кузнецов 2018, 276, рис. 1, 1; 277–278: ок. 120–110 гг. до н.э.). Это серебро Фанагории А.Н. Зограф рассматривал как отражение «ослабления центральной власти и роста значения «городских органов», датируя монеты ок. 200–121 гг. до н.э. (Зограф 1951, 181, табл. XLII, 12), а Д.Б. Шелов относил этот тип к «последнему десятилетию правления Спартокидов» (Шелов 1956, 176–177, 221, табл. IX, 114).

царской казны. Но с другой стороны, эта власть обеспечивала защиту от внешних угроз со стороны воинственных «варваров». Фанагория стала административным и экономическим центром «азиатской» части Боспорского государства, через ее порт осуществлялась торговля товарами, привозимыми из средиземноморских и черноморских городов или вывозимыми в них, а кроме того, здесь концентрировались товарные потоки из Прикубанья. Безусловно, некоторая часть доходов от этой деятельности служила интересам населения Фанагории и, тем самым, стимулировала лояльность ее граждан в отношении царей Боспора. Верхушка фанагорийского общества так или иначе интегрировалась в административный аппарат боспорской монархии, выступая посредником между центральной властью и гражданским коллективом родного полиса. В условиях экономического спада и, возможно, некоторого ослабления царской власти баланс взаимоотношений боспорских царей и полиса мог сместиться в сторону расширения прав последнего.

И вновь должен констатировать отсутствие источников, которые дают возможность конкретно и детально осветить эти процессы. Однако факт, что до конца правления династии Спартокидов не обнаруживаются какие-либо признаки открытого противостояния гражданских общин Боспора с его царями, и Фанагория – не исключение. Это равновесие интересов оказалось нарушенным после того, как престол боспорских монархов отошел владыке Понтийского царства, Митридату VI Евпатору. Этот царь пришел на Боспор под знаменем покровителя и защитника эллинизма от «варваров». Следствиями «филэллинской» политики первых десятилетий его правления, вероятно, следует считать явные признаки реанимации полисных институтов и некоторых прав, ранее, по-видимому, не выходивших за рамки права муниципального. Упомянутый выше декрет 88/7 г. до н.э. в честь наемников был принят от лица Совета и Народа фанагорийцев. Никогда ранее высшие органы полисной власти в надписях или еще где-то не упоминались (разумеется, из этого не следует, что они отсутствовали вовсе⁵⁰), да и сами декреты такого рода – столь обычные для деятельности полиса, независимого или же находящегося в составе эллинистической державы, – не известны ни в Фанагории, ни где-либо еще на Боспоре. В городе производится, правда, весьма кратковременная (ок. 90–80 гг. до н.э.⁵¹) чеканка серебряной монеты с развернутым наименованием гражданской общины – ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ⁵². Эти заигрывания с гражданской общиной, как известно, имели в итоге дурные для Митридата последствия. Во-первых, постоянно растущие непомерные поборы с населения Боспора из-за бесконечных войн амбициозного царя против могущественного Рима (только на первых порах относительно успешных, а затем крайне плачевных для Митридата), вследствие чего были блокированы

⁵⁰ Уже сам факт того, что чеканилась монета (пусть только медная), отмеченная легендой ΦΑ или ΦΑΝ (сокращения от ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ), говорит о том, что Фанагория не перестала быть полисом, раз монета чеканилась от лица гражданской общины (хотя бы и в интересах центральной власти).

⁵¹ См. прим. 49.

⁵² Самое многочисленное серебро Фанагории – драхмы типа «голова Аполлона / тирс» (Анохин 1986, № 206), а также дидрахмы типа «голова Диониса в плющевом венке вправо / плющевой венки, с внутренней стороны – гроздь винограда, наименование гражданской общины, с внешней сверху монограмма (общая для трех городов)». Эта монета чеканилась на монетном дворе Пантикапея и ее нельзя считать полноценной автономной монетой (Голенко 1960, 36; 1965, 143–145, 153). То же относится и к дидрахмам Горгиппии, города с особым статусом, расположенном в Синдике, ранее вообще не чеканившем монеты.

черноморские проливы и нарушен нормальный ход торговли в регионе, никак не компенсировались формальным расширением полисных свобод. А во-вторых, реанимация традиций полиса, по своей природе ориентированного на свободу и независимость (*элеветерию* и *автономию*), разрушало интегрированность гражданских обществ в структуру единого Боспорского государства, которое фактически стало лишь частью черноморской Понтийской державы, интересам которой (а вернее, интересам ее монарха) оно было подчинено. Оба этих фактора в условиях военных поражений Митридата предопределили ход событий в 63 г. до н.э.

Представляется закономерным, что именно Фанагория выступила застрельщиком восстания против царя, ее примеру последовали другие города Боспора (Феодосия, Нимфей) и иных регионов Причерноморья, находившихся под властью Митридата VI (App. Mithr. 108). Материальные свидетельства этих событий весьма наглядно представлены на акрополе Фанагории. Раскопками открыта радикальная перестройка на акрополе в начальный период царствования Митридата. Здесь, на месте традиционного полисного центра, в конце II в. до н.э. все общественные постройки были разобраны до основания, им на смену возводится огромное здание царской резиденции. Этот факт плохо согласуется с «филэллинской» политикой царя, вернее – раскрывает ее противоречивый и формальный характер: царь был заинтересован в том, чтобы найти поддержку населения боспорских городов, но им двигали вовсе не соображения благотворительности или симпатия к эллинам. В конечном итоге политика Митридата приводит к тому, что было достаточно частного повода (фанагориец Кастор подвергся телесному наказанию царским *евнухом* Трифоном⁵³), чтобы вспыхнуло восстание, в ходе которого сгорела и царская резиденция на акрополе. Раскопки на ее месте служат материальным подтверждением свидетельству Аппиана (Mithr. 108) и открывают ряд подробностей этой драматической истории⁵⁴.

Все сказанное о Боспоре постспартокидовского времени преследовало одну лишь цель – выявить отличия в характере взаимоотношений правителей государства и полиса до Митридата VI и при нем, рассуждая «от противного»⁵⁵. По мнению С.Ю. Сапрыкина, Митридат Евпатор перестроил политическую систему Боспорского государства по образцу «эллинистического» Понтийского царства, частью которого стал и Боспор⁵⁶. Признавая резонность данной точки зрения⁵⁷,

⁵³ Вероятно, руководитель царской администрации в Фанагории.

⁵⁴ См.: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61 сл., 80–81; 2011, 64–67; 2015, 35–36.

⁵⁵ Такой подход, впрочем, имеет коренной недостаток: мы не можем быть уверенными до конца в том, что некоторые инновации, отмеченные для первой половины I в. до н.э., не коренятся в предшествующей эпохе.

⁵⁶ См.: Виноградов 1990, 247–248; Сапрыкин 1996, 288; 2003, 29–30 («Именно с 80–60-х годов до н.э. можно говорить о зарождении эллинистической государственности на Боспоре, сменившей полисную структуру экономики, земельных отношений и политической власти тиранов»); 2017, 141–143 («...митридатовский и постмитридатовский периоды в истории Боспора, включая правление Тибериев-Юлиев, характеризуется развитием эллинизма»).

⁵⁷ Хотя и с оговоркой: «эллинизм» был привнесен на Боспор тогда, когда эллинистическая эпоха уже клонилась к закату. В том случае, если мы признаем, что сложившаяся при Митридате VI политическая структура находит продолжение в последующие века истории Боспора, определение государства как «эллинистического» приобретает несколько схоластический оттенок. Занятно, что Боспорское государство позднелатинского времени (т.е. державу ранних Спартокидов) некоторые исследователи характеризуют определением «прото-эллинистическое» (обзор литературы и анализ мнений см. Завойкин 2001; ср. Суриков 2012, 314; 2014, 96 сл., 116). Если следовать подобной па-

мы неизбежно приходим к заключению, что до конца династии Спартокидов политическая структура их государства строилась на иных принципах. Суть ее определялась не тем, что монархическая по характеру власть правителей была «тиранической» или «царской»⁵⁸, а тем, какое место в этой структуре занимал полис.

На примере Фанагории мы видим, что полис был настолько глубоко инкорпорирован в структуру государства Спартокидов (или иначе: тираны Пантикапея / Боспора настолько глубоко вторгаются в область полисного права), что полис как бы «исчезает», и мы не находим каких-либо признаков активности гражданской общины, она как бы растворяется в «общебоспорском гражданстве». Однако гражданского права за пределами полиса античность никогда и нигде не знала. Из этого следует неизбежный вывод: Боспорское государство Спартокидов само было организовано как полис, который управлялся монархической властью династов на протяжении трех веков. И Фанагория была одним из узловых элементов этой государственной системы, выполняя функцию столицы ее «азиатской» части.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д., Сапрыкина, И.А. 2019: Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории. *Нуранис* 1, 5–27.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2010: Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. (Новые нумизматические материалы). *ВДИ* 1, 59–85.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2011: Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н.э. *ВДИ* 2, 64–94.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2015: *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Фанагория. Т. 3). М.
- Алексеева, Е.М. 2010: Горгиппия. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. I. М., 470–509.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Белова, Н.С. 1967: Новая надпись из Гермонассы. *ВДИ* 1, 60–69.
- Виноградов, Ю.А., 2014: Цари Боспора и боспорские курганы. *БИ* XXX, 497–509.
- Виноградов, Ю.Г., 1990: Боспор и эллинизм / А.П. Акопян, А.Н. Бадер, Боспор и Эллинизм. III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван 18–22 мая 1988 г.). *ВДИ* 1, 242–248.
- Виноградов, Ю.Г., 1991: Фанагорийские наемники. *ВДИ* 4, 14–33.
- Виноградов, Ю.Г., Толстикова, В.П., Шелов-Коведяев, Ф.В. 2002: Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея. *ВДИ* 4, 58–75.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Голенко, К.В. 1960: Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. *НЭ* II, 28–40.
- Голенко, К.В. 1965: Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. *ВДИ* 4, 141–158.
- Голофаст, Л.А., Ольховский, С.В. 2016: Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории. В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2 (Фанагория. Т. 4). М., 46–82.
- Жижина-Гейфтер, В.Б. 1918: Новый статус Феодосии в составе Боспорского царства: к толкованию пассажа Demosth. XX. 30–33. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.),

радикале, Боспорское государство со времени правления приемников Митридата следовало бы называть «постэллинистическим». Не думаю, что в этом имеется какой-либо содержательный смысл.

⁵⁸ Смена титула имела значение разве что на внешнеполитической арене, отражала вхождение в новую историческую эпоху.

- Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира.* СПб, 81–88.
- Завойкин, А.А. 2001: «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре. *ДБ* 4, 150–180.
- Завойкин, А.А. 2004: *Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»)* (ДБ. Supplementum I). М.
- Завойкин, А.А. 2013: *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ. Supplementum 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкин, А.А. 2017: «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова). *ПИФК* 3, 147–163.
- Завойкин, А.А. 2018: Общественное здание 4 в. до н.э. на акрополе Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 (Фанагория. Т. 6). М., 101–141.
- Завойкин, А.А. 2019: Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории. *ПИФК* 4, 297–321.
- Завойкин, А.А. 2020: Акрополь Фанагории в эпоху Спартокидов. *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. Т. II. Самара, 11–13.
- Завойкин, А.А. 2021а: «Портрет» Фанагора. *КСИА* 262, 260–273
- Завойкин, А.А. 2021б: Южная окраина Фанагории в IV–I вв. до н.э.: некоторые итоги и проблемы исследований. *ДБ* 26, 111–134.
- Завойкин, А.А., Завойкина, Н.В. 2020. Третий декрет Спартокидов из Фанагории. *ДБ* 25, 134–154.
- Завойкин, А.А., Павличенко, Н.А. 2020: Перепланировка на акрополе Фанагории в середине 4 в. до н.э. *Huravis* 2, 141–168.
- Завойкина, Н.В. 2013: *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.
- Завойкина, Н.В. 2018: Новая посвятельная надпись из Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 4 (Фанагория. Т. 7). М., 106–116.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА. № 16). М.–Л.
- Иванчик, А.И. 2018: Боспорское царство эпохи Спартокидов: уникальная форма греческой государственности. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 1. СПб, 69–75.
- Коровина, А.К. 2002: *Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове*. М.
- Кошеленко, Г.А. 1999: Боспорский вариант мифа о гибели гигантов. *ДБ* 2, 147–160.
- Кошеленко, Г.А. 2010: Религия и культы. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. II. М., 355–416.
- Кузнецов, В.Д. 2003: *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2002 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 27068, 27069–27071. М.
- Кузнецов, В.Д. 2004: Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием. *ПИФК* XIV, 94–123.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории. *ВДИ* 1, 227–243.
- Кузнецов, В.Д. 2019: К ранней истории Фанагории. *ДБ* 24, 398–416.
- Кузнецов, В.Д., Ворошилов, А.Н., Жуковский, М.О. 2016: Курган Боюр-Гора (предварительная публикация). В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2 (Фанагория. Т. 4). М., 279–324.
- Кузнецов, В.Д., Колесников, А.Б., Ольховский, С.В. 2008: Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг. *ДБ* 12/II, 370–412.
- Кузнецов, В.Д., Латарцев, В.Н., Колесников, А.Б. 2006: Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории. *ДБ* 9, 260–280.

- Кузьмина, Ю.Н. 2012: Сакральные комплексы Фанагории в контексте городского ландшафта. В сб.: *Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации* (Боспорские чтения XIII). Керчь, 256–264.
- Ростовцев, М.И. 1989: Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов. *ВДИ* 2, 183–197.
- Савостина, Е.А. 1984: *Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация)*: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.
- Савостина, Е.А., Тихонова, Т.С. 2021: Мастерская коропласта в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгииппии. *ДБ* 26, 309–331.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. *ВДИ* 1, 11–35.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Эллинизм в Причерноморье. *БИ XXXV*, 126–166.
- Сапрыкин, С.Ю. 2021: Epigraphica regni Bosporani. Varia. *ДБ* 26, 332–358.
- Соколова, О.Ю., Павличенко, Н.А. 2002: Новая посвятельная надпись из Нимфея. *Hyperboreus* 8/1, 99–121.
- Суриков, И.Е. 2012: Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). В сб.: А.В. Подосинов (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пацуто. Материалы конференции*. М., 311–315.
- Суриков, И.Е. 2014: Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). В сб.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства* (ДГВЕ 2012 г.). М., 76–122.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: Новые боспорские декреты. *ВДИ* 1, 57–72.
- Яйленко, В.П. 1986: Одна боспорская эпитафия. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 222–226.
- Яйленко, В.П. 1995: Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях. В сб.: Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин (ред.), *Женщина в античном мире*. М., 204–272.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2010: Fanagoriyskoe vosstanie 63 g. do n.e. (Novye numizmaticheskie materialy) [Phanagorian revolt in 63 BC (New numismatic evidence)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 59–85.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2011: Novye dannye o Fanagoriyskom vosstanii 63 g. do n.e. [New facts about Phanagorian revolt in 63 BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 64–94.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2015: *Monetnye klady vremeni Mitridata VI Eupatopra s khory Fanagorii* [The coin hoards of Mithridates VI Eupator time from the Phanagorian chora] (Phanagoria. Vol. 3). Moscow.
- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D., Sapryina, I.A. 2019: Monety pozdnearkhaiskogo i ranneklassicheskogo vremeni iz raskopok Fanagorii [Late Archaic and Early Classical coins from excavation at Phanagoria]. *Hypanis* 1, 5–27.
- Alekseeva, E.M. 2010: Gorgippiya [Gorgippia]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] I. Moscow, 470–509.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of Bosporus]. Kiev.

- Belova, N.S. 1967: Novaya nadpis' iz Germonassy [A new inscription from Hermonassa]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 60–69.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [The Bosporan kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Golenko, K.V. 1960: Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I v. do n.e. [From the coinage history of the Bosporus in the 1st c. BC]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy] II, 28–40.
- Golenko, K.V. 1965: Fantalovskiy klad bosporskikh didrakhm I v. do n.e. [A first century BC hoard of Bosporan didrachms from stanitsa Fantalovskaya]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 141–158.
- Golofast, L.A., Olkhovskiy, S.V. 2016: Kompleks keramiki iz podvodnogo fundamenta v akvatorii Fanagorii [Ceramics assemblage from underwater foundation in aquatoria of Phanagoria]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po arkheologii Fanagorii* [Materials on Archaeology of Phanagoria] 2 (Phanagoria. Vol. 4). Moscow, 46–82.
- Ivanchik, A.I. 2018: Bosporskoe tsarstvo epokhi Spartodidov: unikal'naya forma grecheskoy gosudarstvenosti [Bosporan kingdom of the Spartokids era: a unique form of Greek statehood]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen: Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [The Bosporan phenomenon: General and special in the historical and cultural space of the ancient world. Proceedings of the International Scientific Conference]. Pt. 1. Saint Petersburg, 69–75.
- Korovina, A.K. 2002: *Germonassa. Antichnyy gorod na Tamanskom pokuostrove* [Hermonassa. Ancient city on the Taman Peninsula]. Moscow.
- Koshelenko, G.A. 1999: Bosporskiy variant mifa o gibeli gigantov [Bosporan version of the myth of the death of giants]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 2, 147–160.
- Koshelenko, G.A. 2010: Religiya i kul'ty [Religion and cults]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient heritage of Kuban]. II. Moscow, 355–416.
- Kuzmina, Yu.N. 2012: Sakral'nye komplekсы Fanagorii v kontekste gorodskogo landshafta [Sacred complexes of Phanagoria in the context of the urban landscape]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Problemy urbanizatsii* [Cimmerian Bosporus and the barbaric world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Problems of urbanization] (Bosporskiye chteniya [Bosporus Readings] XIII). Kerch, 256–264.
- Kuznetsov, V.D. 2003: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN v 2002 g.* [The report on work of the Phanagorian mission of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 2002]. Archive of IA RAS. P-1. No. 27068. Album No. 27069–27071. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2004: Fanagoriyskiy sklep s ustupchatym perekrytiem [Phanagorian tomb with stepped overlap]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XIV, 94–123.
- Kuznetsov, V.D. 2007: Novye nadpisi iz Fanagorii [New inscriptions from Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 227–243.
- Kuznetsov, V.D. 2019: K ranney istorii Fanagorii [To the early history of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 24, 398–416.
- Kuznetsov, V.D., Kolesnikov, A.B., Ol'khovskiy, S.V. 2008: Podvodnye issledovaniya v Fanagorii v 2006-2007 gg. [Underwater research in Phanagoria in 2006–2007]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 12/II, 370–412.
- Kuznetsov, V.D., Latartsev, V.N., Kolesnikov, A.B. 2006: Predvaritel'nye zamechanuya o portovykh sooruzheniyakh v Fanagorii [Preliminary comments on port facilities in Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 9, 260–280.
- Kuznetsov, V.D., Voroshilov, A.N., Zhukovskiy, M.O. 2016: Boyur-Gora (predvaritel'naya publikatsiya) [Burial mound Boyur-Gora (preliminary publication)]. In: A.A. Zavoykin (ed.),

- Materialy po arkhologii Fanagorii* [*Materials on archaeology of Phanagoria*] 2 (Phanagoria. Vol. 4). Moscow, 279–324.
- Rostovtsev, M.I. 1989: Issledovaniya po istorii Scifii i Bosporskogo tsarstva. T. II. Glava VI. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo tsarstva. 1. Gosudarstvo i sotsial'nyy story epokhi Spartokidov [Research on the history of Scythia and the Bosporan kingdom. Vol. II. Ch. VI. State and culture of the Bosporan kingdom. 1. The state and social system of the Spartokids' era]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 183–197.
- Saprykin, S.Ju. 2021: Epigraphica regni Bosporani. Varia. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 26, 332–358.
- Saprykin, S.Yu. 1996: Pontiyskoe tsarstvo. Goudarstvo Gekov i varvarov v Prichernomirye [*Pontic kingdom. State of Greeks and barbarians in the Black Sea region*]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2003: Bosporskoye tsarstvo: ot tiranii k ellinisticheskoy monarkhii [Bosporan kingdom: from tyranny to Hellenistic monarchy]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 11–35.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Ellinism v Prichernomor'ye [Hellenism in Black Sea region]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporos Studies*] XXXV, 126–166.
- Savostina, E.A. 1984: *Bosporskie sklepy* (tipologiya, evolyutsiya, istoricheskaya interpretatsiya) [*Bosporan tombs (typology, evolution, historical interpretation)*]. PhD thesis. Moscow.
- Savostina, E.A., Tikhonova, T.S. 2021: Masterskaya koroplasta v kontekste gorodskoy zhizni i remeslennogo proizvodstva Girgipii [Coroplast workshop in the context of urban life and craft production of Gorgippia]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 26, 309–331.
- Shelov, D.B. 1956: Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e. [Coinage of Bosporus, 6th to 2nd cc. BC]. Moscow.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 1985: Novye bosporskie dekrety [New Bosporan decrees]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 57–72.
- Sokolova, O.Yu., Pavlichenko, N.A. 2002: Novaya psvyatitel'naya nadpis' iz Nimfeya [A new dedicatory inscription from Nymphaion]. *Hyperboreus* 8/1, 99–121.
- Surikov, I.E. 2012: Dve problem bosporskogo politogeneza V–IV vv. do n.e. (vzglyad iz Ellady) [Two problems of Bosporan polytogenesis of 5th and 4th centuries BC (a look from Hellas)]. In: A.V. Podosinov (ed.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti isrednevekov'e. Migratsii, rassekanie, vojna kak factory politigeneza. XXIV Chteniya pamyati V.T. Pashuto. Materialy konferentsii* [*Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Migration, resettlement, war as factors of polytogenesis. XXIV Readings in memory of V.T. Pashuto. Abstracts of the conference*]. Moscow, 311–315.
- Surikov, I.E. 2014: Nekotorye problem bosporskogo politogeneza V–IV vv. do n.e. (vzglyad iz Ellady) [Some problems of Bosporan polytogenesis of 5th and 4th centuries BC (a look from Hellas)]. In: A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Problemy ellinizma i obrazovanie Bosporskogo tsarstva* [*Problems of Hellenism and formation of Bosporan kingdom*]. Moscow, 76–122.
- Vinogradov, Yu.A., 2014: Tsari Bospora i bosporskie kyrgany [Kings of Bosporus and Bosporan burial mounds]. *Bosporskiye Issledovaniya* [*Bosporos Studies*] XXX, 497–509.
- Vinogradov, Yu.G., 1990: Bospor i ellinism [Bosporus and Hellenism] / A.P. Akoyan, A.N. Bader (eds.), Bospor i Ellinism. III Vsesoyuznyy simpozium po problemam ellinisticheskoy kul'tury na Vostoke (Erevan 18-22 maya 1988 g.) [Bosporus and Hellenism. III All-USSR symposium on the problems in Hellenistic culture on West (Erevan 18–22 may 1988)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 242–248.
- Vinogradov, Yu.G., 1991. Fanagiriyskie naemniki [Mercenaries of Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 14–33.

- Vinogradov, Yu.G., Tolstikov, V.P., Shelov-Kovedyaev, F.V. 2002: Novye dekrety Levkona I, Perisada i Evmela iz Pantikapeya [New decrees of Leucon I, Pairisades and Eumelos from Panticapaion]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 58–75.
- Yalenko, V.P. 1986: Odnа bosporskaya epitafiya [A Bosporan epitaph]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Issues of Classical culture], 222–226.
- Yalenko, V.P. 1995: Zhenshchiny, Agrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpisyakh [Women, Aphrodite and Spartokids' priestess in new Bosporan inscriptions]. In: L.P. Marinovich, S.Yu. Saprykin (eds.), *Zhenshchina v antichnom mire* [Woman in the Ancient world]. Moscow, 204–272.
- Zavoykin, A.A. 2001: "Bosporskiy fenomen" ili psevdο-ellinizm na Bospore ["The Bosporan phenomenon" or pseudo-Hellenism in Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 4, 150–180.
- Zavoykin, A.A. 2004: Fanagoria vo vtoroi polovine V – nachale IV vv. do n.e. (po materialam "Yuzhnogo goroda") [*Phanagoria in the second half of the 5th and early 4th centuries BC. (based on the materials of the "Southern City" Site)*] (*Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus]. Suppl. I). Moscow.
- Zavoykin, A.A. 2013: Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arkheologia i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov [*Creation of the Bosphorus state. Archeology and chronology of the formation of the power of the Spartokids*] (Bosporskiye Issledovaniya [Bosphoros Studies]. Suppl. 10). Simferopol–Kerch.
- Zavoykin, A.A. 2017: "Bosopor Kubanskiy" – Ostrov – Germonassa (zametki po istoricheskoi geografii Tamanskogo poluoostrova ["Kuban Bosphorus" – Island – Hermonassa (notes on the historical geography of the Taman Peninsula)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 147–163.
- Zavoykin, A.A. 2018: Obshchestvennoe zdanie 4 v. do. n.e. na akropole Fanagorii [The public building of the 4th century BC on the Phanagorian acropolis]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii Fanagorii* [Materials on archaeology of Phanagoria] 3 (Phanagoria. Vol. 6). Moscow, 101–141.
- Zavoykin, A.A. 2019: Ellinisticheskoe obshchestvennoe zdanie na akropole Fanagorii [The hellenistic public building on the acropolis of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 297–321.
- Zavoykin, A.A. 2020: Akropol' Fanagorii v epokhu Spartokidov [Acropolis of Phanagoria in the age of the Spartokids]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Smare* [Works of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. Vol. II. Samara, 11–13.
- Zavoykin, A.A. 2021a: "Portret" Fanagora [Phanagores' "portrait"]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 262, 260–273.
- Zavoykin, A.A. 2021b: Yuzhnaya okraina Fanagorii v IV–I vv. do n.e. [The southern outskirts of Phanagoria in the 4th to 1st centuries BC: some results and research problems]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 26, 111–134.
- Zavoykin, A.A., Pavlichenko, N.A. 2020: Pereplanirovka na akropole Fanagorii v seredine 4 v. do n.e. [Rebuilding on the acropolis of Phanagoria in the middle of the 4th century BC]. *Hypanis* 2, 141–168.
- Zavoykin, A.A., Zavoykina, N.V. 2020. Tretiy dekret Spartokidov iz Fanagorii [Third Decree of the Spartokids from Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 25, 134–154.
- Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezhdū polisom i monarkhiey* [Bosporan phiasoi: between the policy and the monarchy]. Moscow.
- Zavoykina, N.V. 2018: Novaya posvyatitel'naya nadpis' iz Fanagorii [New dedicatory inscription from Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheolo-*

-
- gii Fanagorii* [*Materials on archaeology of Phanagoria*] 4 (Phanagoria. Vol. 7). Moscow, 106–116.
- Zhizhina-Gefter, V.B. 1918: Novyi status Feodosii v sostave Bosporskogo tsarstva: k istolkovaniyu passazha Demosth. XX. 30–33 [The new status of Theodosia as part of the Bosphorus kingdom: to the interpretation of the Demosth. XX. 30–33 passage]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen: Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [*The Bosphoran phenomenon: General and special in the historical and cultural space of the ancient world. Proceedings of the International Scientific Conference*]. Pt. 1. Saint Petersburg, 81–88.
- Zograf, A.N. 1951: Antichnye monety [Ancient Coins] (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [*Materials and Researches on Archaeology of the USSR*] 16). Moscow–Leningrad.

PHANAGORIA AND SPARTOKIDS (HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL ESSAY)

Aleksey A. Zavoykin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
bospor@inbox.ru

Abstract. Ancient writers remain completely silent about the Phanagoria under the Spartokid dynasty's reign on the Bosphorus (the 4th to 2nd centuries BC). At the turn of the new era, Strabo calls Phanagoria the “capital of the Asian Bosphorans” and one of the three *emporion* through which the turnover of goods from Kuban region passed (Strab. XI. 2: 2, 10). In this article, the author argues that these characteristics of the ancient geographer are fully applicable to the previous centuries of the history of the city, at least from the moment when it became part of the Bosphorus state.

The author of the article attempted to define the status of Phanagoria in the power of the Spartokids and to reconstruct some nodal moments of its history during the specified period of time. To achieve this goal, it was necessary to analyze synchronous sources directly or indirectly reflecting the position of Phanagoria in the 4th–2nd centuries BC. These are relatively few epigraphic documents, numismatic materials and a large array of data obtained during archaeological excavations of the city. Only their comprehensive study, along with taking into account the wide historical context (within the Bosphoran state as a whole), made it possible to specifically characterize Phanagoria as the most important center in the “Asian” possessions of the Spartokids. The article shows that it apparently housed central authorities (administrative, tax and military), dynast proxies, designed to control, among other things, foreign trade activities (customs), the loyalty of citizens in the “Asian” part of the state and the military-political situation in the region as a whole.

The history of the coinage of Phanagoria (on behalf of the citizens of the *polis*), as well as the history of urban fortification, clearly highlights the evolution of the relationship between the *polis* and the power of the Spartokids. To understand the status of Phanagoria for three centuries, an analysis of the situation during the reign of Mithridates VI Eupator, who replaced the last representative of the Spartokid dynasty in 110/9 BC, plays a significant role.

Keywords: Bosphoran state, Spartokids, tyranny, polis, Phanagoria, Asian Bosphorus, administrative and trade center.
